

ВЕРШИНЫ МАЯКОВСКИЙ ПРОПАСТИ

С академиком Евгением Петровичем ЧЕЛЫШЕВЫМ мы встретились на открытии международной научной конференции «Маяковский на рубеже XXI века». Здесь же, в конференц-зале Института мировой литературы им. Горького РАН, Евгений Петрович дал корреспондентам «КО» эксклюзивное интервью.

— Евгений Петрович, хотелось бы поговорить с вами о Маяковском, его поэзии...

— Мы с вами находимся в зале Института мировой литературы. Начиная с конца пятидесятых годов, я слушал здесь немало жарких, интересных диспутов о Маяковском. Особенно запомнилась мне защита диссертации Зиновия Паперного в 1965 году «Поэтический образ Маяковского», ставшей затем книгой. Это было время, когда появилось стремление снять с Маяковского налет характеристики Сталина как «лучшего и талантливейшего поэта социалистической эпохи», преодолеть тот суеверный страх, который появлялся у каждого, кто пытался критически отнестись к творчеству поэта. Помнится, диссертация Паперного вызвала жаркий спор, в котором участвовали те, кто был другом поэта, его врагом... В частности, запомнилось выступление критика Ермилова, который был в то время сотрудником ИМЛИ: небольшого роста, жесткий, едкий человек, испортивший Маяковскому немало крови...

Позже мне запомнилось обсуждение выходящих томов собрания сочинений поэта, споры: что в него включать, что не включать, обсуждение книг, в частности, работы Юрия Карабчиевского, которая была подобна взорвавшейся бомбе при всей своей однолинейности и однозначности. Карабчиевский попытался развенчать Маяковского и лишить его того авторитета, который был у него как у великого поэта.

— Может быть, сработало правило, сформулированное Дмитрием Кедриним: «У поэтов есть такой обычай: в круг сойдясь, оплевывать друг друга...»?

— Думаю, не только это. Карабчиевский попал в общую струю охаивания, родившуюся в годы перестройки. Помните, гласность у нас стали понимать как некий беспредел оплевывания всего и вся. Не хочу сказать, что это было главным, но именно в то время проявилась тенденция оплевывания и Горького, и Маяковского, и Шолохова.

— Евгений Петрович, в этом есть и какая-то гармония: за семьдесят четыре года оплевали одних, затем за несколько лет — других, все сестры получили по серьгам...

— Да-да, плюсы стали менять на минусы, минусы на плюсы. Все, что было хорошо, стало плохим... Думаю, сейчас начинается время отрезвления. Тот же Карабчиевский отнюдь не бездарность, не тот человек, что занялся темой Маяковского лишь затем, чтобы оплевать поэта... У него свой взгляд на проблему...

— Согласитесь, книжка Карабчиевского читается взахлеб.

— Да, я тоже читал ее взахлеб. С автором можно соглашаться, можно не соглашаться, но его книга написана талантливо. А перед любой талантливой книгой надо снять шляпу и признать, что она талантлива. А потом уже соглашаться с ней или не соглашаться.

— Что для вас, профессионального востоковеда, ценно в Маяковском?

— Я рассматриваю творчество поэта через призму его восприятия на Востоке. Маяковский пришел на Восток, конечно же, прежде всего как поэт, воспевавший революцию. Не только коммунисты, но и писатели левых, демократических ориентаций подражали в своем творчестве ему, писали стихи лесенкой (в индийской поэзии появилась именно такая поэтическая форма). Маяковского очень много стали переводить, причем, что интересно, раньше, чем стихи Пушкина. Чем это объясняется? Видимо, тем, что поэт открывал русскую поэзию, а русская поэзия была связана на Востоке прежде всего с революцией, с национально-освободительным движением. Маяковский в этом отношении был близок борющемуся Востоку.

— Чем лично вам близок поэт?

— Для меня как для читателя Маяковский — любимый поэт. Я его читаю, много стихов знаю на память с детства, люблю поэму «Во весь голос»...

— Вы руководите программой «Российское зарубежье». Включает ли она акции, посвященные столетию поэта?

— Было проведено два конгресса соотечественников. В августе состоится международная конференция «Культурное наследие российской эмиграции», где тема Маяковского не может быть обойдена вниманием. Мне пришлось уже неоднократно говорить о том, как уважительно отзывались о поэте такие эмигранты, как Юрий Анненков, Марина Цветаева, Георгий Адамович... Мне довелось бывать в Париже, в той самой «Ротонде» на Монпарнасе, куда приходил Маяковский. Будучи во Франции по приглашению Луи-Арагоновского общества, я видел интерес, проявляемый к поэту, его связям с Триоле и Бриками...

Хочу упомянуть, что при нашем «Отделении литературы и языка Российской Академии» разработана программа «Творческие достижения мировой культуры XX века». Поставлена цель оценить вклад в мировую культуру XX века деятелей литературы, искусства, науки. При всех критических оценках считаю — Маяковский, безусловно, останется одной из вершин. Хотя, понимаете, вершины трудно объективно сравнивать, сопоставлять.

— Надо, наверное, чаще заглядывать в пропасти: по ним легче определять величину вершин.

— Вы правы. Нужно иметь в виду и пропасти, и бездны, и плоскогорья, и горные цепи, в которых могут появиться вершины... Может быть, Маяковский не появился, если бы рядом с

ним не было Блока, Андрея Белого, Марины Цветаевой, Гумилева... Все эти люди, принадлежавшие к символистам, акмеистам, были близки между собой и связаны, так сказать, с общим подъемом демократического движения, раскованности, обретения человеческой личности, словом, с творческим подъемом в русской культуре на рубеже столетий. Повторяю, в программе «Творческие достижения мировой культуры XX века» Маяковский, безусловно, займет свое место как поэт-трибун, который обращался к массам.

— У нас, кажется, сейчас трибунами являются только депутаты.

— Только слушать их никто не хочет. Вот Маяковского, если бы он сейчас выступал по ТВ, слушали бы, не выключали телевизор! Жаль, что не сохранилось записей его выступлений в Политехническом. Каждый вечер был целым спектаклем, диспут, потоком остроумия, экспромтом. Таких поэтов сейчас нет. Вроде бы так же начинал Андрей Вознесенский. В 1966 году в Париже его спросили об учителях, и он назвал трех поэтов: Маяковского, Пастернака и Хлебникова... Маяковский, безусловно, повлиял и на поэтов шестидесятников. Помните, у нас даже такой термин появился — «эстрадные поэты». Думаю, к Маяковскому этот термин тоже мог быть применен.

— Если посмотреть в будущее, грядет ли бум поэта?

— Цветаева говорила о том, что мы будем не в прошлое оглядываться, а в будущее. Она это предвидела. А уж ее никак нельзя заподозрить в подхалимстве. Она знала, что Маяковский всеми потрохами связан с коммунистическим режимом, который она ненавидела лютой ненавистью. Думаю, у Маяковского действительно что-то будет просеяно, что-то — просмотрено под углом зрения книги Карабчиевского... Ведь он позволил нам увидеть его недостатки не только в мировоззрении, но и в поэтическом, так сказать, ключе. Маяковский жил трудно, в труднейшую эпоху ломки всех старых отношений, переоценки ценностей, и в его творчестве, в мыслях, в делах не все было равнозначно. Это вполне естественно.

Беседовали
Александр ЩУПЛОВ
и Денис ИЛЬИЧЕВ.

листки-расшифровки сверены

подпись

(старший) бухгалтер